

Александра Никитична Анненская

**Гоголь. Его жизнь и
литературная деятельность**

Жизнь замечательных людей

Александра Анненская

**Гоголь. Его жизнь и
литературная деятельность**

«Public Domain»

Анненская А. Н.

Гоголь. Его жизнь и литературная деятельность /
А. Н. Анненская — «Public Domain», — (Жизнь замечательных
людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы - профессия.

Содержание

Глава I. Семья и школа	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

А. Н. Анненская
Н.В. Гоголь. Его жизнь и
литературная деятельность
Биографический очерк²
с портретом Гоголя, гравированным
в Лейпциге Геданом

Глава I. Семья и школа

Родительский дом. – Даровитый отец и домовитая мать. – Страсть к театру в семье Гоголя. – Лицей князя Безбородко. – Отсутствие друзей у Гоголя в школе. – «Таинственный Карло». – Ранние проблески наблюдательности. – Слабая постановка преподавания в лицее. – Невежественные учителя. – Лениность Гоголя. – Домашние спектакли. – Маленький библиотекарь. – Первые стихотворные опыты Гоголя в школе. – Он делается редактором школьного журнала. – Мечты о службе в Петербурге. – Дружба с Высоцким

Николай Васильевич Гоголь-Яновский родился 19 марта 1809 года в местечке Сорочинцах, на границе Полтавского и Миргородского уездов. Отец его был небогатый полтавский помещик, и раннее детство Николай Васильевич провел в кругу семьи, в родовом имении отца, селе Васильевке. Картины природы и быта Малороссии, которые впоследствии наполнили живыми образами произведения Гоголя, окружали его в первые годы жизни, будили первые впечатления его души.

Низенький, ветхий домик с затейливыми зубцами вдоль крыши, с боковыми башенками и остроконечными окнами по углам, вокруг него старый тенистый сад, за садом на холме белая одноглавая церковь, у подножия ее село с маленькими домиками и группами высоких деревьев – вот та обстановка, среди которой рос и развивался от природы мечтательный ребенок.

Отец его, Василий Афанасьевич, был человек очень неглупый, необыкновенно остроумный, много издавший и испытавший на своем веку, неистощимый балагур и рассказчик. В Васильевку беспрестанно собирались близкие и дальние соседи; гостеприимный хозяин радушно угощал их произведениями малороссийской кухни и потешал рассказами, приправленными солью чисто малороссийского юмора. Тут-то, среди этих соседей, нашел Николай Васильевич прототипы своих Афанасиев Ивановичей, Иванов Никифоровичей, Шпонек, Голопузей и проч., и проч.

Недалеко от Васильевки, в селе Кибинцах, жил в то время известный Д.Н.Трощинский. Отставной министр, богатый вельможа, он устроился в своем сельском уединении на широкую ногу. Его окружал целый штат всевозможной прислуги, шутов, приживальщиков, бедных родственников. В доме его собиралось многолюдное общество, беспрестанно давались пиры, празднества, и между прочим устроен был домашний театр. Василий Афанасьевич, дальний родственник Трощинского, был своим человеком в его доме. Бывший государственный деятель успел оценить оригинальный ум и редкий дар слова соседа. Кроме того, Василий Афанасьевич, страстный театрал, принимал самое деятельное участие в постановке спектаклей его театра. В то время только что появились «Наталка Полтавка» и «Москаль Чаривный» Котляревского; пьесы эти восхищали малороссов и возбуждали в них желание заменить переводы французских и немецких комедий сценами, взятыми из родной действительности. Василий Афанасьевич написал несколько комедий из малороссийского быта для театра Трощинского, сам дирижировал постановкой их и исполнял в них разные роли. Не знаем, присутствовал ли маленький Никола, как звали Николая Васильевича в семье, на представлении этих пьес в доме богатого родственника, но, во всяком случае, он слышал толки и разговоры о них, был свидетелем всей той веселой суеты, которая обыкновенно сопровождает устройство домашних спектаклей, и это зародило в душе его вкус к театру, к драматическим представлениям.

От отца Николай Васильевич унаследовал юмор, дар увлекательного рассказчика, любовь к искусству вообще и к театру в особенности; мать передала ему горячее религиозное чувство

и стремление приносить пользу окружающим, если нельзя делом, то хоть советом, хоть словом утешения и одобрения. Марья Ивановна Гоголь была, по отзывам всех знавших ее людей, в высшей степени симпатичная личность. После раннего замужества она почти безвыездно жила в деревне, сосредоточив все свои интересы на тесном круге семьи и хозяйства. Василий Афанасьевич умер, когда старший из детей, Николай Васильевич, еще учился в лицее, а кроме него дома было пять девочек; воспитание детей и все заботы по хозяйству в имении лежали исключительно на Марье Ивановне.

«Мало что езжу по хозяйственным делам, и дрожки никогда не откладываются, а только переменяют лошадей», – описывала она свое времяпровождение одному родственнику, – «надобно еще смотреть за порядком в доме, за детьми маленькими смотреть и о больших думать». Эти хлопоты не мешали ей строго исполнять все религиозные обряды и вести деятельную переписку с родными и знакомыми, а особенно с сыном. Николай Васильевич был уже в Петербурге и хлопотал о поступлении на государственную службу, а она все еще считала необходимым писать ему «несколько строк морали», так как он «еще не установился». Во всей переписке Марьи Ивановны беспрестанно выказывается ее смиренная покорность воле Провидения, ее искренняя любовь к окружающим, ее практический, здравый смысл, странно соединявшийся с самым наивным незнанием людей и общественных отношений. Гоголь до конца жизни относился к матери с самой нежной любовью; она обожала его и гордилась им. Его первые ученические сочинения хранились как драгоценность в Васильевке, малейшая невзгода его мучительно тревожила мать, она хвастала его литературными успехами и в кругу своих знакомых прямо называла его гением. К ней, как имеющей «тонкий наблюдательный ум», обращался Гоголь из Петербурга с просьбой сообщить ему названия разных частей малороссийских костюмов, разные народные предания и поверья, разные малороссийские обряды и обычаи.

Книжное обучение Николая Васильевича началось довольно рано. Восьми лет он уже учился грамоте у учителя-семинариста, а на следующий год отец отвез его и младшего брата Ивана в Полтаву и поместил их у одного учителя, который должен был приготовить их к поступлению в гимназию. У этого учителя дети прожили недолго. В следующем году, когда их взяли на каникулы домой, маленький Иван заболел и умер, а родителям жалко было отправлять к чужим людям Николу, сильно скучавшего о брате, и они оставили его на несколько месяцев дома. В это время в Нежине открылась «Гимназия высших наук», или Лицей князя Безбородко, и в начале 1821 года Василий Афанасьевич поместил туда сына.

Гимназия была еще плохо организована, в ней насчитывалось всего около 50 воспитанников, разделенных на три отделения; учебный персонал был не в полном составе. Но зато помещение ее было просторное, в больших классных и спальнях много света и воздуха, а вокруг расстилался густой, тенистый сад, почти лес, и протекала тихая речка, полузаросшая камышом. В этом саду дети проводили все время, свободное от классных уроков. Надзор за ними был очень слабый, и им предоставлялось самостоятельно развивать свои нравственные и умственные силы, без руководства старших, исключительно в кругу товарищей. Многие проводили все время в праздности и шалостях, но более даровитые личности не удовлетворялись ребяческими играми. В обширном саду им было где уединиться от шумных товарищей; в укромном тенистом уголку они углублялись в книгу, впервые пробудившую в них любовь к мысли и знанию; взгромоздясь на сук какого-нибудь старого дерева, они обдумывали и даже набрасывали на бумагу свои первые опыты литературных произведений.

Когда Гоголя привезли в лицей, это был худенький, болезненный 12-летний мальчик; лицо его поражало прозрачной бледностью, вследствие золотухи у него была частая течь из ушей. Он дичился новых товарищей, устранился от их шумных игр. Такого рода новички обыкновенно не нравятся школьникам, и Гоголь долго был жертвою их насмешек и разных проделок. Чтоб Николе было не так жутко среди чужих, родители отправили с ним вместе своего крепостного лакея, Симона, который должен был исполнять роль слуги в пансионе при гим-

назии, а главное – ухаживать за «барчонком». Первое время Гоголь сильно скучал по семье и родном доме; тоска эта особенно усиливалась вечером, когда он ложился в постель. Часто Симон просиживал над ним целые ночи, утешая его, уговаривая не плакать.

Мало-помалу мальчик привык к школьной жизни, перестал чуждаться товарищей, с одним из них сблизился, на насмешки других отвечал такими меткими и едкими сарказмами, что шутникам приходилось прикусить язык. Гоголь никогда не был резвым шалуном. Слабый и тихий от природы, он не принимал участия не только в буйных шалостях мальчиков, но даже в играх, требовавших напряжения физических сил; одурачить учителя, запустить гусара в нос сонному товарищу, снабдить кого-нибудь метким прозвищем – это было по его части. Одного лицеиста, часто нападавшего на него, он прозвал за коротко остриженные волосы: «Расстригою Спиридоном», и вот вечером, в день именин его, он уставил в гимназическом зале транспарант собственного изделия с изображением черта, стригущего дервиша, и со следующим акростихом:

Се образ жизни нечестивой,
Пугалище дервишей всех
И... строптивой
Расстрига, сотворивший грех
И за сие то преступленье
Достал он титул сей
О чтец! имей терпенье,
Начальные слова в устах запечатлей.

Один раз, чтобы избежать наказания, Гоголь так ловко прикинулся сумасшедшим, что обманул и перепугал все гимназическое начальство.

Ни учителя, ни товарищи не считали Гоголя талантливым, многообещающим мальчиком. Его с ранних лет проявлявшаяся тонкая наблюдательность не обращала на себя их внимания; его способность не только подмечать все характеристические черты наружности и обращения окружающих, но и поразительно верно передавать их забавляла мальчиков, а взрослым представлялась просто шутством, глупым передразниванием.

Настоящих друзей у Гоголя никогда не было. С самого детства в нем не замечалось простодушной откровенности и общительности, всегда был он как-то странно скрытен, всегда в душе его оставались уголки, куда не смел заглядывать ничей глаз. Часто даже о самых обыкновенных вещах он говорил неспроста, облекая их какой-то таинственностью или скрывая свою настоящую мысль под маской шутки, балагурства. Со свойственной детям проницательностью, лицеисты скоро подметили эту черту в характере Гоголя, и долго носил он у них прозвание «таинственный Карло». Из общей массы школьников он выделял трех-четырех (Г.Высоцкий, А.Данилевский, Н.Прокопович), с которыми был дружнее чем с остальными, которым иногда поверял свои детские затеи, свои юношеские мечты и думы.

Свыкшись с лицейской жизнью, войдя в ее интересы, Гоголь не переставал рваться душой домой, в круг семьи, в свою родную Васильевку. Поездки в деревню на каникулы были во все время школьной жизни истинным праздником для него. Обыкновенно за ним и его двумя товарищами, соседями по имению, присылали помещительный экипаж; мальчиков снабжали разной домашней провизией, и они отправлялись в путь на долгих, с крепостным кучером и лакеем. Дня три тянулось путешествие, во время которого они могли и проказить сколько угодно, а Гоголь, кроме того, изошрял свою наблюдательность на всех встречаемых предметах. Всякое здание, всякий прохожий – все возбуждало его детское любопытство, заставляло работать его воображение. «Уездный чиновник пройди мимо», – вспоминает он в «Мертвых душах» (т. I, гл. II) – я уже и задумывался: куда он идет, на вечер ли к какому-нибудь своему

брату, или прямо к себе домой, чтобы, посидевши с полчаса на крыльце, пока не совсем еще сгустились сумерки, сесть за ранний ужин с матушкой, с женой, с сестрой жены и всей семьей; и о чем будет веден разговор у них в то время, когда дворовая девка в монистах или мальчик в толстой куртке принесет уже после супа сальную свечу в долговечном домашнем подсвечнике. Подъезжая к деревне какого-нибудь помещика, я любопытно смотрел на высокую, узкую деревянную колокольню или широкую, темную деревянную старую церковь. Заманчиво мелькали мне издали, сквозь древесную зелень, красная крыша и белые трубы помещичьего дома, и я ждал нетерпеливо, пока раздадутся на обе стороны заступавшие его сады, и он покажется весь, со своею тогда, увы! вовсе не пошлой наружностью, и по нему старался я угадать: кто таков сам помещик, толст ли он, и сыновья ли у него или целых шестеро дочерей, с звонким девическим смехом, играми и вечной красавицей меньшей сестрицей, и черноглазы ли они, и весельчак ли он сам или хмурен, как сентябрь в последних числах, глядит в календарь да говорит про скучную для юности рожь и пшеницу».

Научное преподавание в лицее было поставлено весьма слабо. По количеству преподаваемых предметов программа была широка и разностороння. В нее входили кроме закона Божия, русского языка, математики, физики, истории и географии, еще: нравственная философия и логика, римское право, русское гражданское и уголовное право, государственное хозяйство, начала химии, естественная история, технология, военные науки, языки: латинский, греческий, французский и немецкий, рисование, музыка, пение, танцы, фехтование. Из одного этого перечня предметов, которые ученики должны были усвоить себе в течение семи лет, видно, что об основательном прохождении курса не могло быть и речи. К этому надобно прибавить, что большинство преподавателей не удовлетворяли самым скромным педагогическим требованиям. Классный журнал, в котором записывались проступки учеников, поражает своей безграмотностью; учитель русской словесности Никольский не признавал поэтов после Державина и Хераскова: Пушкина он глубоко презирал, хотя никогда не читал. Один из учеников представил ему под видом собственного сочинения отрывок из «Евгения Онегина», и он не заподозрил обмана. Школьная дисциплина, даже просто порядок очень слабо поддерживались в заведении. Директор лицея И. С. Орлай, вообще человек мягкий, склонный смотреть сквозь пальцы на недостатки своих воспитанников, особенно снисходительно относился к Гоголю, с родителями которого был соседом по имению и познакомился в доме Трощинского.

Так, Гоголь часто во время урока выходил из класса и спокойно прогуливался по коридорам. Завидя издали директора, который очень не любил подобные проступки, он не прятался, как другие воспитанники, а употреблял иного рода уловку. Он прямо подходит к И. С. Орлаю и говорит ему: «Ваше превосходительство! я сейчас получил от матушки письмо. Она поручила засвидетельствовать вашему превосходительству усерднейший поклон и донести, что по вашему имению все идет очень хорошо». – «Душевно благодарю, – отвечал обыкновенно директор, – будете писать матушке, не забудьте поклониться ей от меня и поблагодарить ее».

Гоголь мог беспрепятственно лениться и действительно ленился, не обращая внимания на такие мелкие неприятности, как плохая отметка в журнале, наказание без обеда или без чая, стояние в углу за дурно отвеченный урок. Способности у него были хорошие; наскоро проглядев предыдущую лекцию, он почти всегда мог довольно удовлетворительно передать ее, а засева за книги в последний месяц перед экзаменом, успевал приготовиться настолько, что беспрепятственно переходил в следующий класс. Из всех предметов преподавания одним только рисованием Гоголь занимался усердно. Он охотно слушал теоретические рассуждения об искусстве своего учителя Павлова, человека, преданного делу, и сам много рисовал и карандашом, и красками.

Вообще же, занятие науками или тем, что читалось в классе под именем науки, привлекало очень немногих лицеистов. Некоторые из них проводили время в шалостях, даже кутежах,

производивших в городе скандалы; другие придумали себе более благородное развлечение – устройство домашних спектаклей. Инициатором этих спектаклей был, по всей вероятности, Гоголь, который, возвратясь после каникул в училище, с увлечением рассказывал о домашнем театре Трошинского и привез пьесы на малороссийском языке. В первых представлениях участвовали немногие воспитанники; они играли в классе без подходящих постановок и декораций, без занавеса, взамен которого просто расставляли классные доски. Но мало-помалу страсть к театру распространилась среди лицеистов. Они сложились, устроили себе костюмы и кулисы. В январе 1824 года Гоголь пишет отцу:

«...Прошу вас покорнейше прислать мне комедии, как то: „Бедность и благородство души“, „Ненависть к людям и раскаяние“, „Богатонов, или Провинциал в столице“, и ежели каких можно прислать других, за что я вам очень буду благодарен и возвращу в целости. Также, ежели можете, то пришлите мне полотна и других пособий для театра. Первая пьеса у нас будет представлена „Эдип в Афинах“, трагедия Озерова. Я думаю, дражайший папенька, вы не откажете мне в удовольствии сем и прислать нужные пособия, так если можно прислать и сделать несколько костюмов, сколько можно, даже хоть один, получше ежели бы побольше; также хоть немного денег. Сделайте только милость, не откажите мне в этой просьбе. Когда же я сыграю свою роль, о том я вас извещу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.